

Старший брат Ли Юцай, желая приобщиться к изысканности, заменил полы в доме на деревянные, и теперь, возвращаясь домой, всем приходилось переобуваться у входа. У Ли Шувэня не было домашних тапочек, поэтому он снял кроссовки и ступил на пол в носках.

Пьяный отец продолжал нести чепуху:

— Мой сын обязательно добьётся больших успехов, обязательно поступит в хороший университет.

Ли Юцай, поддерживая отца, слегка сжал его руку, а взгляд, брошенный на младшего брата, был полон неприкрытого отвращения.

Ли Шувэнь почувствовал, как взгляд брата пронзил его, и замер на месте.

— Кат!

— Шувэнь, что происходит? Реагируй, реагируй! Это же такая сильная сцена, как ты можешь её провалить? — Хуан Цюань нервничал, на губах у него уже появились заеды.

Это был уже третий дубль этой сцены.

Каждый раз все актёры играли превосходно, но когда дело доходило до Ли Шувэня, всё шло наперекосяк.

Му Цзин не мог вымолвить ни слова, ведь только что взгляд Тан Хэ был настолько пугающим!

Работники съёмочной группы поднесли им по стакану воды, и оба, как по команде, направились к дивану в центре площадки.

Деревянный диван как раз вмещал двоих. Му Цзин, открутив крышку бутылки, тихо прошептал:

— Это тебе зачем? Неужели так важно меня подавлять?

Хотя он и не хотел признавать, но актёрское мастерство Тан Хэ действительно было на несколько уровней выше его собственного. Особенно во время совместных сцен Му Цзин чувствовал огромное давление, как будто перед ним был настоящий актёр мирового уровня.

Но ведь Тан Хэ был всего лишь второстепенным актёром, почти ровесником, до этого игравшим лишь в массовке.

— А почему бы и нет? — Тан Хэ, привыкший к таким сценам без особых поворотов, легко

входил в роль и так же легко выходил из неё. Он улыбнулся и тихо ответил.

— Если это из-за вчерашнего застолья, я извиняюсь, я не специально, я не знал, что ты человек Лянь...

— Му Цзин лгал, но слова вылетали из его рта с удивительной лёгкостью.

— Я похож на такого мелочного человека? — Тан Хэ снял очки. Он специально выбрал оправу с тонкой рамкой и без линз, чтобы подчеркнуть фальшь в образе Ли Юцяя, который, не будучи близоруким, надевал очки, чтобы казаться образованным.

В очках он выглядел как типичный интеллигент-негодяй, а без них — более свежо и естественно.

Му Цзин напряжённо улыбнулся:

— Конечно, нет.

Он вспомнил, как Тан Хэ, закатав рукава, с лёгкой улыбкой на лице, в тусклом свете помещения выглядел слегка размыто. Тот небрежно поднял взгляд, и Му Цзин почувствовал, будто его заметил какой-то монстр из тьмы, отчего по спине пробежал холодок.

— Ну вот и хорошо. — Тан Хэ улыбнулся, повернув голову. Без очков он казался менее мрачным.

Му Цзин немного расслабился, но тут же услышал, как Тан Хэ низким голосом произнёс:

— Ты не понимаешь, почему я так с тобой? Вспомни, что ты делал днём.

Му Цзин инстинктивно выпрямил спину, не решаясь опереться на спинку дивана, и сглотнул.

Оказалось, что Тан Хэ имел в виду их сцену с Ло Эрдэ днём. Во время первой сцены Ло Эрдэ внезапно изменил движение, что поставило Му Цзина в неловкое положение, поэтому во второй сцене он намеренно не стал сотрудничать.

У опытных актёров есть множество способов поставить новичка в невыгодное положение: изменить реплику, перехватить кадр.

Иногда достаточно одного простого движения, чтобы выделиться самому и оттеснить другого на задний план.

В сознании Му Цзина он был главным героем, а остальные должны были быть лишь фоном, поэтому во время сцен он незаметно смещался, чтобы в кадре всегда оставаться в центре

внимания.

Он думал, что съёмки идут гладко, даже режиссёр Хуан Цюань ничего не упомянул. Возможно, тот не заметил, а может, заметил, но не придавал значения, ведь это было ерундой. Даже Ло Эрдэ, с которым он играл, ничего не понял и после съёмок даже глупо поблагодарил его.

Му Цзин наслаждался этим моментом. Пусть в фильме его персонаж вначале был более высокомерным и сильным, но он был главным героем, а за кадром — номером один!

Но Тан Хэ заметил!

Не только заметил, но и вечером в той же сцене вернул всё с лихвой!

Тан Хэ не использовал грязных приёмов вроде смены позиции, он просто играл.

Взгляд, реплики, движения — всё это создавало огромное давление на партнёра по сцене.

Как только Му Цзин сдавался и допускал ошибку, именно он получал выговор!

Как сейчас, когда недовольство Хуан Цюаня Му Цзином ощущалось всей съёмочной группой. Даже такой мягкий режиссёр, как Хуан Цюань, не мог сдержать раздражения.

Причина проста: когда видишь отличную сцену, которая раз за разом спотыкается на одном и том же месте, это раздражает. Когда видишь, как один актёр выделяется, сияет, а его партнёр по сцене мямлит и не может выговорить ни слова, это злит.

Наверное, Хуан Цюань уже сто раз проклял Му Цзина в душе!

Актёрское мастерство требует сравнения. Одни становятся сильнее, играя с сильными партнёрами, и быстро растут, а другие лишь слабеют, всё больше проваливаются и теряют уверенность.

Очевидно, Му Цзин принадлежал ко второму типу.

Он сжал бутылку в руке, не ожидая, что Тан Хэ нападает на него именно из-за этого!

И уж тем более не ожидал, что он, сыгравший уже два-три фильма и считавшийся талантливым, будет так унижен в актёрском мастерстве каким-то неизвестным актёром массовки своего возраста!

Если после вчерашнего столкновения Му Цзин не проиграл Тан Хэ, считая его просто

невежливым хулиганом, которому повезло, то сегодня, после этой сцены, он понял, насколько тот страшен!

Разговор закончился, вода была выпита. Тан Хэ встал, бросил бутылку в мусорное ведро рядом с диваном и, улыбнувшись, произнёс:

— Я не мелочный, просто защищаю своих.

Страх Му Цзина перед Тан Хэ постепенно перерос в ужас. Он понял, что связался с кем-то очень опасным.

Последующие сцены после перерыва тоже не удались, игра Му Цзина становилась всё хуже. В последнем дубле он вдруг заметил, что Тан Хэ убрал своё давление, но к тому времени он уже был напуган до полусмерти.

Хуан Цюань, нахмурившись, завершил съёмки. Хотя результат был далёк от идеального, это было лучшее, что они могли получить.

Он с удовлетворением похлопал Тан Хэ по плечу:

— Спасибо за работу.

Тан Хэ сохранял вежливую скромность:

— Не стоит благодарности, это моя работа.

— Режиссёр Чжу ждёт вас в учебном корпусе для подписания контракта. — Хуан Цюань смотрел на Тан Хэ и Ло Эрдэ, стоящих рядом, и чем больше смотрел, тем больше был доволен. Он был уверен, что если они сохраняют тот же уровень игры, что и в этих трёх сценах, фильм обязательно станет хитом!

— Хорошо, спасибо, режиссёр Хуан. — Тан Хэ кивнул и поклонился всем работникам съёмочной группы, это была его давняя привычка. — Всем спасибо за работу!

Окружающие работники, осветители, операторы, гримёры и ассистенты ответили хором:

— Не за что!

— Отлично сыграли!

— Просто великолепно!

— До завтра!

Ло Эрдэ стоял рядом с Тан Хэ, держа свой потрёпанный, почти не узнаваемый брендовый

рюкзак, и с улыбкой смотрел на все эти приветствия, чувствуя гордость.

— Неплохо ладишь с людьми.

Режиссёр Хуан посмотрел на измождённого Му Цзина, который молча ушёл, а затем на Тан Хэ, который легко общался с работниками, и с сожалением подумал: почему такие молодые, а разница такая большая?

Неудивительно, что Лянь и сценарист Инь обратили внимание на этого парня: красивый, талантливый, да ещё и умеет ладить с людьми.

Такой человек в любой момент может прославиться!

Лампы дневного света освещали деревянные столы и стулья в классе, создавая полумрак и полусвет.

В коридоре витал горячий воздух, и ветер, словно только что пробежавший восемьсот метров, сталкивался с людьми, неся с собой тепло.

Тан Хэ снова надел свою футболку и, держа в руке бесплатную бутылку воды, пил.

— Сегодня слишком жарко.

<http://bllate.org/book/15540/1382475>